

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

1 (35)

Январь—Февраль—Март

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК
2012

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаиров*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.п.н. *З. М. Уметбаев*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2012
© Магнитогорский государственный университет, 2012
© Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2012

Fowler W. W. 1969: *The Roman Festivals of the Period of the Republic: an Introduction to the Study of the Religion of the Romans.* Washington; New York.

Gage J. 1955: *Apollon romain.* Paris.

Marquardt J. 1885: *Römische Staatsverwaltung: 2. Aufl. Bd 3.* Leipzig.

Senatusconsultum de Bacchanalibus. 2000: // *Ius Antiquum.* 2(7), 229–231.

Scullard H. H. 1982: *Festivals and Ceremonies at the Roman Republic.* London.

SACRAL ACTIVITY OF ROMAN PRAETOR

O. A. Vlasova

The article considers sacral aspects of administrative and legal functions of Roman praetor. Sacral duties of a praetor are as follows: opening and conducting games — *cura ludrum*; vow to conduct games or to build a temple; going through some rituals at sacred temple building site; surveillance of adherence to *mos maiorum* (forefathers traditions), of morals together with *sacri conquirendi*. On the whole, sacral functions of a Roman praetor was multifaceted and aimed at keeping up *pax deorum*, stable functioning of Roman community in the context of traditional morals and forefathers traditions.

Key words: praetor, sacral sphere, vows, *cura ludorum*, *sacri conquirendi*.

© 2012

В. К. Хрусталев

К ВОПРОСУ О СУДЕ НАД ПРОКОНСУЛОМ МАКЕДОНИИ ГАЕМ АНТОНИЕМ ГИБРИДОЙ В 59 г. до н.э.

В статье предпринята попытка рассмотреть ряд спорных моментов, относящихся к судебному процессу над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э., и определить место, занимаемое самим этим процессом в контексте политической борьбы в Римской Республике в данный период. Автор приходит к выводу, что Гай Антоний, по всей вероятности, был осужден на основании *lex Cornelia de maiestate*, а не законов *de repetundis* или *de vi*, как полагают многие исследователи. Автор отмечает также, что главными организаторами данного судебного процесса были триумвиры и он носил ярко выраженный политический характер.

Ключевые слова: Поздняя Римская Республика, *quaestiones perpetuae*, *crimen maiestatis*, триумвират.

Судебный процесс над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой¹ в 59 г.², как правило, остается за рамками внимания исследователей Поздней Рим-

Хрусталёв Вячеслав Константинович — аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: vyacheslav-hrust@mail.ru

¹ О прозвище Гая Антония «Hybrida» («полудикий») сообщает только Плиний Старший (Plin. Nat. hist. VIII, 213).

² Все даты в настоящей работе — до н.э.

ской Республики³. Это неудивительно. 59 г. — год первого консульства Гая Юлия Цезаря, и без того бурный и богатый событиями, а сам Гай Антоний, как верно отмечает Э. Груэн, личность слишком одиозная и непривлекательная, чтобы кто-то мог удивляться его осуждению и изгнанию или горевать о постигшем его несчастье⁴. Тем не менее, Гай Антоний занимал видное положение на политической сцене Республики, и события, связанные с судом над ним, на наш взгляд, заслуживают более детального исследования. Целью настоящей статьи является, во-первых, рассмотреть некоторые спорные моменты, непосредственно относящиеся к судебному процессу Гая Антония в 59 г.; во-вторых, определить место, занимаемое самим этим процессом в водовороте политической борьбы в Римской Республике в этот период.

Нам кажется необходимым вкратце осветить основные вехи политической карьеры этого весьма примечательного персонажа. Гай Антоний был сыном знаменитого Марка Антония Оратора, консула 99 г., убитого в 87 г. по приказу Марии и Цинны (Cic. Fam. V. 5; Ascon. 82 Clark). Точная дата его рождения неизвестна⁵. Во время 1-ой Митридатовой войны Гай Антоний отправился на Восток с армией Суллы. В период своего пребывания в Ахайте в должности префекта конницы он отметился многочисленными грабежами местного населения (Ascon. 84; 88 Clark). Вскоре после смерти Суллы, в 76 г., пострадавшие греки привлекли Гая Антония к суду перед претором Марком Лукуллом. Их представителем на процессе выступил молодой Гай Юлий Цезарь (Ascon. 84 Clark)⁶.

Детальное рассмотрение этого дела не входит в задачи настоящей работы⁷. Отметим лишь, что претор Лукулл утвердил требования греков; тогда Антоний отверг судебное решение и обратился за помощью к народным трибунам, дав клятву в том, что не может состязаться с противной стороной в суде на равных началах (Q. Cic. Comm. pet. 8; Ascon. 84 Clark)⁸. Трибуны приняли сторону Антония, и, таким образом, он выиграл процесс.

Однако Гай Антоний все же не смог избежать наказания за свои действия. В 70 г. он был исключен из сената цензорами Луцием Геллием Попликолой и Гнеем Корнелием Лентулом Клодианом. Основанием для подобного шага как раз и послужили обвинения в грабеже союзников и сопротивлении суду, а также огромные долги, из-за которых Антоний вынужден был продать почти все свои поместья (Q. Cic. Comm. pet. 8; Ascon. 84 Clark). Тем не менее, Антоний достаточно быстро смог восстановить свое положение. Возможно, свою роль здесь

³ Единственной известной нам работой, специально посвященной этому вопросу, является статья Э. Груэна: Gruen 1973, 301–310.

⁴ Gruen 1973, 301.

⁵ С уверенностью можно сказать только, что Гай Антоний родился не позднее 105 г. — иначе он не смог бы стать консулом в 63 г. в силу возрастных ограничений. Скорее всего, он был даже на несколько лет старше.

⁶ Ср.: Plut. Caes., 4. Однако рассказ греческого биографа содержит целый ряд грубых ошибок; он даже называет Антония не Гаем, а Публием. См. по этому поводу: Damon, Maskay 1995, 37–38 n.4.

⁷ Практически все исследователи сходятся на том, что данный судебный процесс был не уголовным, а гражданским (Alexander 1990, 71–72; Buckland 1937, 43). Наиболее убедительная, с нашей точки зрения, на настоящий момент полная реконструкция этих событий предложена американскими авторами С. Дэймон и К. Макеем (Damon, Maskay 1995, 37–55).

⁸ Подробнее о процедуре, к которой прибегнул Гай Антоний, см.: Greenidge 2004, 266 n.4; Damon, Maskay 1995, 48.

сыграли сулланское прошлое и семейные политические связи и влияние. Вместе с Цицероном Гай Антоний домогается претуры на 66 г. и достигает ее⁹. В 64 г. мы видим Антония уже кандидатом в консулы.

О своем намерении добиваться консульства на 63 г. объявили шесть претендентов: Публий Сульпиций Гальба, Квинт Корнифиций, Гай Лициний Сацердот, Луций Кассий Лонгин, Луций Сергий Катилина, Гай Антоний и Марк Туллий Цицерон, — но реальные шансы на победу были только у трех последних (Q. Cic. Comm. ret. 7–10; Ascon. 82–83 Clark). В этой ситуации Гай Антоний, по видимому, счел для себя выгодным пойти на заключение соглашения с одним из своих конкурентов, Катилиной, против другого опасного соперника — Цицерона (Ascon. 83 Clark). Асконий сообщает также, что за сговором Антония и Катилины якобы стояли Красс и Цезарь (Ascon. 82 Clark). Это его утверждение, по мнению Р. Льюиса, базируется на не дошедшем до нас труде самого Цицерона «*Expositio consiliorum suorum*» («Изложение своих замыслов») — политических мемуарах, которые оратор начал писать в 50-е гг., но запретил публиковать до своей смерти; при этом истинность данного сообщения Р. Льюис ставит под сомнение¹⁰. Для того чтобы обеспечить свое избрание, Катилина и Антоний, по всей видимости, намеревались использовать подкуп избирателей; во всяком случае, принимая во внимание их моральный облик, в этом никто не сомневался, и эти опасения послужили основанием для начала нового витка борьбы против подкупа и попыток еще более ужесточить уголовное законодательство в данной сфере¹¹. По итогам выборов консулами стали Марк Туллий Цицерон и Гай Антоний, который на несколько голосов центурий обошел Катилину¹².

Однако, даже добившись желаемой цели, Антоний продолжал испытывать определенные затруднения, связанные с его бурным прошлым. Как мы упоминали ранее, уже в 70 г. у него были большие долги. Избирательные кампании перед выборами в преторы и особенно в консулы также должны были привести к серьезным издержкам. В частности, Цицерон обвиняет Гаю Антония в том, что он, домогаясь консульства, в нарушение закона организовал на свои средства гладиаторские игры через подставное лицо (Cic. Tog. cand. fr. 12 apud Ascon. 88 Clark). Наиболее простым и быстрым способом улучшить свое материальное положение и расплатиться с долгами было получить после окончания срока консулата в управление какую-нибудь богатую провинцию, и, смею предположить, Антоний питал на это большие надежды. Однако по жребию ему выпала Цизальпинская Галлия, в то время как его коллеге Цицерону — намного более доходная Македония. В данной ситуации Цицерон предложил Гаю Антонию обменяться провинциями. Этим ловким ходом оратор смог обеспечить себе поддержку коллеги, что в тот период было для него чрезвычайно важно (Cic. Pis. 4–5; Dio XXXVII. 33. 4; Sall. Cat. 26. 4;

⁹ Цицерон (Cic. Tog. cand. fr. 5 apud Ascon. 85 Clark) говорит о том, что он в тот период поддерживал кандидатуру Гаю Антония, и даже, в свойственной себе манере, заявляет о своем решающем вкладе в успех соискания последнего.

¹⁰ Lewis 2006, 291. См. по этому поводу также Brunt 1957, 193. Э. Клебс, напротив, доверяет сообщению Аскония, хотя и с некоторыми оговорками (Klebs 1894, 2578). О вышеупомянутом сочинении Цицерона подробнее см. в статье: Бугаева 2010, 81–91.

¹¹ Подробнее см. Gruen 1974, 217–218.

¹² Асконий (Ascon. 94 Clark) связывает данное обстоятельство с именем и репутацией отца Гаю Антония.

Plut. Cic. 12). Сам Цицерон управлять провинцией отнюдь не стремился и вскоре отказался от предназначавшейся ему Цизальпинской Галлии, которая досталась таким образом пропретору Квинту Цецилию Метеллу Целеру (Cic. Fam. V. 2. 3–4).

Как известно, 63 г. вошел в историю Рима как год заговора Катилины и блестящего триумфа консула Цицерона, который сыграл решающую роль в его подавлении. При этом Гай Антоний остался в тени замечательных успехов своего коллеги. Более того: прежние связи с Катилиной и плохая репутация подпитывали подозрения в его тайном соучастии в заговоре (Sall. Cat. 21, 3). Это мнение разделяют также отдельные исследователи нового и новейшего времени¹³.

Как бы то ни было, с началом открытого мятежа Антонию было предоставлено командование войсками, выдвинутыми против Катилины. По всей видимости, он был не слишком доволен подобным поручением. Антоний действовал нерешительно¹⁴, а в день решающей битвы под Писторией в январе 62 г. сказался больным и передал командование армией своему легату Марку Петрею (Dio XXXVII. 39. 2–4; Sall. Cat. 59. 4). Такое поведение Антония еще более укрепило у многих уверенность в том, что сам он, по крайней мере, сочувствует мятежникам¹⁵. Тем не менее, он был официально провозглашен победителем Катилины и императором, а его фасции увиты лаврами (Dio XXXVII. 40. 2; Obsequens 61a).

В 62 г., сразу после окончания своих консульских полномочий, Гай Антоний отправился в Македонию в качестве проконсула. Управляя своей провинцией, он снова отметился грабежами и бесчинствами (Cic. Att. I. 12.2). Слухи о его действиях быстро достигли Рима. Уже во второй половине декабря 62 г. Цицерону пришлось выступать в защиту своего бывшего коллеги в сенате (Cic. Fam. V. 6. 3). В начале 61 г. сам Гней Помпей намеревался открыто настаивать на отзыве Антония из провинции; одновременно один из преторов, неизвестный нам по имени, должен был обратиться с предложением об этом к народу (Cic. Att. I. 12. 1). Усугубляло ситуацию и то, что, помимо лихоимства, Гай Антоний «прославился» также своей военной некомпетентностью. В частности, он потерпел тяжелые поражения от соседних племен дарданов и бастарнов, лишился захваченной добычи и знамен (Dio XXXVIII. 10. 1–3; LI. 26. 5; Quintil. Inst. or. IV. 2. 123–124; Liv. Per. 103; Obsequens 61a). В тот момент Гаю Антонию удалось избежать отзыва из провинции,

¹³ В этом не сомневается, например, Т. Моммзен (Моммзен 1995, 123). Нам, однако, это предположение кажется невероятным. Гай Антоний уже добился всего, чего желал; ему предстояло выгодное наместничество в Македонии, и с его стороны было бы чрезвычайно глупо участвовать в этой авантюре и рисковать своим достигнутым, причем вполне законным путем, положением. Никаких достоверных данных в пользу участия Антония в заговоре нет — только смутные подозрения и распускаемые его врагами слухи. Поэтому мы склонны согласиться с Э. Груэном, который полагает, что было бы совершенно неверно считать Антония заговорщиком или даже сочувствующим катилинарям (Gruen 1973, 302).

¹⁴ О медлительности Антония, которого его подчиненным постоянно приходилось подталкивать к более активным действиям, см.: Cic. Sest. 12.

¹⁵ Мы, однако, можем предложить другое объяснение: Гай Антоний, как кажется, не был сколько-нибудь способным военачальником. Как мы уже упоминали, в свое время он командовал конницей в войске Суллы, но сумел прославиться в 1-ой войне с Митридатом только грабежами мирного населения в Ахайе. Впоследствии, будучи проконсулом в Македонии, Антоний также потерпел несколько позорных поражений от соседних варварских племен (подробнее об этом см. ниже). Возможно поэтому, что он просто не отважился взять на себя командование войском в решающей битве и переложил ответственность на более опытного и компетентного подчиненного.

но положение его становилось все более угрожающим. Как сообщает Цицерон, в декабре 60 г. его друг Публий Нигидий Фигул, претор 58 г., обещал привлечь к ответственности тех судей, которые не явятся на заседание по делу Антония (Cic. Att. II. 2. 3)¹⁶. Таким образом, возвращение его ожидалось со дня на день, и, как мы видим, судебный процесс был уже неизбежен. После того как в конце 60 г. или, что более вероятно, в начале 59 г. Гай Антоний прибыл в Рим, он, как и ожидалось, был привлечен к уголовному суду. Точное время проведения данного процесса неизвестно, но, скорее всего, это было начало весны¹⁷.

Политический подтекст в деле Гая Антония несомненен, и именно он, по нашему мнению, сыграл ключевую роль. Безусловно — и с этим не спорит ни один из исследователей, — за обвинением Антония стояли триумвиры¹⁸. Наиболее ясно проглядывает участие в этом деле Помпея и Цезаря; о каком-либо влиянии Красса четких свидетельств у нас нет. О недружественных по отношению к Антонию действиях Помпея в начале 61 г. мы уже сообщали выше. Что касается Цезаря, то его политический союзник, народный трибун 59 г. Публий Ватиний, проводя закон, расширяющий права подсудимых при отводе судей, намеренно сделал так, чтобы Антоний не смог воспользоваться его преимуществами (Cic. Vat. 27). Кроме того, о закулисной роли триумвиров может свидетельствовать также анализ связей тех лиц, которые были в той или иной степени вовлечены в этот процесс.

Из источников нам известны имена троих обвинителей Гая Антония. Первый из них — молодой (на тот момент ему было всего 23 года) Марк Целий Руф (Cic. Cael. 15; 47; 74; 78; Quintil. Inst. or. IV. 2. 123–124; IX. 3. 58; Schol. Bob. 94; 149 Stangl). В действиях Целия мы, безусловно, вправе подозревать в первую очередь личные мотивы. Даровитый юноша, обучавшийся красноречию у Цицерона и Марка Красса, незадолго до этого вернулся из провинции Африка, в которой он находился в свите проконсула Квинта Помпея (Cic. Cael. 73). Обвинение Гая Антония было его первым выступлением в уголовном суде. Дело было достаточно громким, виновность обвиняемого — несомненна, так что для Целия представлялась отличная возможность прославиться и заработать себе репутацию судебного оратора¹⁹. Из всех трех обвинителей Целий Руф кажется наиболее независимым. Э. Груэн, опираясь на фрагмент *Pro Caelio*. 9, акцентирует внимание на связях

¹⁶ Сложно сказать, кем являлся в то время Публий Нигидий Фигул и какое отношение он имел к данному делу. Д. Шэкстон Бэйли полагает, что он высказывал эти угрозы, будучи частным лицом — возможно, членом суда или субскриптором. С его точки зрения, Нигидий едва ли мог быть народным трибуном или эдилом непосредственно перед своей претурой; тот факт, что он выступал на сходках, не доказывает, что он являлся магистратом (Shackleton Bailey 1965, 354). Того же мнения придерживаются М. Александер (Alexander 1990, 120 n.6) и Э. Бэдиан (Badian 1959, 83). Т. Броутон считает, что Нигидий был на этом процессе *iudex quaestionis* (Broughton 1986, Suppl. 147).

¹⁷ Э. Груэн полагает, что он состоялся в марте: Gruen 1973, 305. Такого же мнения придерживаются Л. Ланге (Lange 1871, 284), М. Гельцер (Gelzer 1963, 213) и С. Л. Утченко (Утченко 1976, 103). Однако М. Александер датирует этот процесс серединой апреля: Alexander 1990, 119 n.1.

¹⁸ Crawford 1984, 216; Gruen 1973, 305–306.

¹⁹ Э. Груэн называет еще одну возможную причину, побудившую Целия выступить с обвинением в данном судебном процессе. Одно время Целий был близок к Катилине, а после подавления заговора все друзья последнего находились под подозрением. Обвинив такого одиозного человека, как Гай Антоний, которого тоже обвиняли в сочувствии заговорщикам, Целий мог ответить недоброжелателям и улучшить свою репутацию (Gruen 1973, 305).

между Целием и Крассом и называет Красса «патроном» Целия²⁰. Нам, однако, представляется, что эти два человека не были связаны столь близкими отношениями. Целий посещал дом Красса и обучался у него ораторскому искусству, но он также посещал и дом Цицерона, что не помешало ему выступить против своего учителя на процессе Антония. У него в этом деле был свой расчет, который просто совпал в данный момент с планами триумвиров.

Вторым обвинителем был Квинт Фабий Максим (Cic. Vat. 28; Schol. Bob. 149 Stangl). По всей видимости, он также не испытывал к Гаю Антонию личной вражды: Цицерон отмечает, что Фабий Максим на процессе относился к подсудимому наиболее беспристрастно (Cic. Vat. 28). Цезарианские связи Максима несомненны. Цицерон утверждает, что он находился в дружеских отношениях с политическим союзником Цезаря, народным трибуном 59 г. Публием Ватинием (Cic. Vat. 28). Впоследствии в гражданской войне Фабий сражался на стороне Цезаря, и в 45 г. даже достиг консулата²¹.

О третьем обвинителе, некоем Канинии Галле, сообщает только Валерий Максим (Val. Max. IV. 2. 6). Нам известны два человека с таким именем, которые жили в данный период времени и теоретически могли выступать на процессе Антония. Первый — это Луций Каниний Галл, народный трибун 56 г., активно продвигавший интересы Помпея в деле египетского царя Птолемея Авлета (Cic. Fam. I. 2. 1; I. 2. 4; I. 4. 1; I. 7. 3; Q. fr. II. 2. 3; II. 4. 5; Plut. Pomp. 49). Этот вариант кажется нам наиболее вероятным²². Иной точки зрения придерживается Ф. Мюнцер: он идентифицирует обвинителя Гая Антония с другим Луцием Канинием Галлом — консулом 37 г.²³. Очевидно, что у Каниния Галла тоже не было личных причин ненавидеть Антония, так как впоследствии он женился на его дочери (Val. Max. IV. 2. 6). По всей видимости, один из этих троих (скорее всего — Марк Целий Руф) был главным обвинителем, а остальные двое поддерживали обвинение, будучи субскрипторами²⁴.

Итак, вовлеченность триумвиров в дело Антония сомнений не вызывает. В таком случае встает вопрос о мотивах, которыми они руководствовались. Нам представляется, что эти мотивы были в первую очередь политическими, хотя в отношении Цезаря мы можем также говорить и о личной неприязни, которая тянулась еще со времен первого судебного процесса над Антонием в 76 г. (о чем мы уже упоминали выше). Как верно отмечает Э. Груэн, Гай Антоний лично не был опасен для триумвиров. Он не примыкал ни к какой *factio*, не отличался, как Катон Младший, твердыми моральными принципами; все его действия в преды-

²⁰ Gruen 1973, 305.

²¹ Подробнее о карьере Квинта Фабия Максима см.: Münzer 1909, 1791–1792.

²² Аргументы см.: Gruen 1973, 305 n.25.

²³ Münzer 1899, 1477.

²⁴ Gruen 1973, 305 n.21; Klebs 1894, 2581. Особой точки зрения придерживается В. Друмманн. Он полагает, что вначале 59 г. против Гая Антония было выдвинуто два обвинения. Первое из них — *de heretundis*; главным обвинителем был Луций Каниний Галл, субскриптором — Квинт Фабий Максим. Второе обвинение заключалось в участии в заговоре Катилины, и оно было предъявлено Марком Целием Руфом. Цицерон выступал в качестве защитника на первом из этих процессов. В результате Антоний был осужден, и на втором процессе он уже не присутствовал (Drumann-Groebe 1919, 601–602). Эта гипотеза не подкрепляется напрямую сообщениями источников; на данный момент она отвергнута всеми исследователями и может быть признана ошибочной.

душие годы были направлены исключительно на достижение личной выгоды. Однако Антоний — представитель нобилитета, но человек весьма сомнительной репутации — оказался подходящей жертвой для своеобразной политической демонстрации могущества триумvirата²⁵. Кроме того, удар, нанесенный Антонию, был также и ударом по Цицерону. Цицерон, который достиг пика славы после подавления заговора Катилины, через короткий промежуток времени столкнулся с оппозицией своему курсу. Атаки против него начались в конце декабря 63 г., после избрания народным трибуном Квинта Цецилия Метелла Непота, и продолжались в 62 г. (Cic. Fam. V. 1–2; Sest. 11; Pis. 6–7; Ascon. 6 Clark; Plut. Cic. 23; Dio XXXVII. 38. 2; Schol. Bob. 82; 127 Stangl). «Блестящее консульство» противниками оратора характеризовалось как тирания. Особенно яростные нападки вызывала казнь катилинариев без судебного разбирательства, за которую Цицерон нес полную ответственность. В свете этих обстоятельств мы полагаем, что уголовное преследование Гая Антония, официально провозглашенного победителем Катилины, было еще одним косвенным ударом по Цицерону и попыткой пересмотра памятных событий 63 г.

Отношения между бывшими коллегами по консульству никогда не были дружескими. Единственное сохранившееся письмо Цицерона к Гаю Антонию датируется январем 61 г. (Cic. Fam. V. 5). Оратор жалуется на неблагодарность Антония и, как кажется, намекает на нависшую над последним опасность уголовного преследования²⁶. Почти одновременно с этим Цицерон пишет Аттику об Антонии: «Дело это такого рода, что я, считаясь с мнением честных людей и народным, не смогу защищать этого человека без ущерба для своей чести, и у меня нет желания к этому, а это самое главное» (Cic. Att. I. 12. 1 — пер. В. О. Горенштейна). Однако политическая целесообразность, как это часто бывало в жизни Цицерона, взяла верх над личными обидами. Для Цицерона процесс над Антонием был прежде всего процессом над победителем Катилины, и возможное осуждение коллеги его обостренное самолюбие воспринимало как осуждение его деятельности в период консулата, которой знаменитый оратор гордился и которую не уставал превозносить в многочисленных речах и литературных произведениях (см., напр.: Cic. Att. I. 19. 10; I. 14. 4).

Одним из наиболее спорных и запутанных во всем этом деле является вопрос о том, по какому закону Гай Антоний был привлечен к суду. Точных указаний на этот счет сохранившиеся свидетельства источников не дают, поэтому исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Характер преступлений Гая Антония и обстоятельства дела делают возможным предъявление обвинения

²⁵ Gruen 1973, 309–310.

²⁶ В. Друманн, враждебно настроенный по отношению к Цицерону, не сомневается, что Антоний грабил Македонию с полного согласия своего коллеги и что они заключили между собой договор о разделе полученных денег: это якобы являлось условием, на котором Антонию была уступлена провинция (Drumann-Groebe 1919, 601). Подобные слухи, очевидно, распускались самим Антонием (Cic. Att. I. 12. 2). С нашей точки зрения, ближе к истине Д. Шэклтон Бэйли. Он считает, что Гай Антоний просто обещал Цицерону дать займы денег, в которых тот нуждался для покупки дома на Палатине. Приняв эти деньги, Цицерону было бы затруднительно отказаться от защиты Антония в надвигавшемся судебном процессе, но это не означает, что Цицерон взял на себя какие-либо конкретные обязательства (Shackleton Bailey 1965, 297).

на основании следующих законов: 1) *lex Cornelia de repetundis*; 2) *lex Plautia de vi*; 3) *lex Cornelia de maiestate*²⁷.

Обвинение Гая Антония в вымогательствах (*de repetundis*) выглядело бы логичным, поскольку то, что он беззастенчиво грабил Македонию, не подлежало сомнению. В пользу этой точки зрения свидетельствует также то, что обвинение в вымогательстве было наиболее распространенным из тех, которые выдвигались против наместников провинций²⁸.

Однако против этой гипотезы существует ряд серьезных возражений. Несомненно, что Гай Антоний был обвинен перед претором Гнеем Корнелием Лентулом Клодианом. Однако есть веские основания предполагать, что претором *de repetundis* в 59 г. был Тит Веттий Сабин, который, по-видимому, председательствовал в суде над Луцием Валерием Флакком и в следующем, 58 г., являлся наместником в провинции Африка (*Cic. Flac. 85*)²⁹. Э. Груэн, однако, считает, что претором в 59 г. Тит Веттий не был, а на процессе Флакка он заседал в качестве обычного судьи (*iudex*). Однако даже если допустить, пишет он, что Веттий все-таки был претором в 59 г., это не означает, будто Лентул Клодиан не мог председательствовать на суде *de repetundis*: случаи, когда разные люди председательствовали в течение одного года на процессах в одной и той же *quaestio perpetua* также известны³⁰. На эти аргументы мы можем привести свои возражения. Обращаясь к Веттию, Цицерон в фрагменте *Pro Flacco*, 85 говорит: *Tu, T. Vetti, si quae tibi in Africa venerit hereditas, usu amittes, an tuum nulla avaritia salva dignitate retinebis?* («А ты, Тит Веттий? Если тебе достанется какое-нибудь наследство в Африке, упустишь ли ты его в силу давности или оставишь за собой, не заслужив упрёка в алчности, без ущерба для своего достоинства?» — перевод В. О. Горенштейна).

Как мы видим, Цицерон употребляет здесь будущее время, то есть он говорит не о прошедшем, как полагает Э. Груэн, а о предстоящем Веттию наместничестве в Африке. Таким образом, распределение по жребию провинций уже состоялось, и Веттий должен был отправиться в Африку в следующем, 58 г., скорее всего, в ранге пропретора, так как консулом он абсолютно точно не был. Из этого следует, что

²⁷ Дж. Кроуфорд (Crawford 1984, 124) добавляет к этому списку также *lex Cornelia de peculatu*, полагая, что в вину Гаю Антонию могла быть поставлена также утрата военной добычи, которая квалифицировалась как казнокрадство (*peculatus*).

²⁸ Gruen E.S. 1973, 308. Мнение Э. Груэна поддерживает также Дж. Кроуфорд (Crawford 1984, 124–125). В качестве дополнительного аргумента она приводит отрывок из речи Цицерона *Pro Flacco*, 5, в котором оратор проводит параллель между делом Валерия Флакка и делом Антония. Из этого Дж. Кроуфорд делает следующий вывод: так как Флакк был обвинен в вымогательстве, то и Антоний должен был быть осужден за такое же преступление. Мы не можем согласиться с таким умозаключением. В упомянутой речи для Цицерона важно показать сам факт осуждения Антония; из его высказывания ни в коем случае не следует, что Антоний был обвинен в том же преступлении, что и Флакк. Немецкий историк М. Гельцер в статье «Die lex Vatinia de imperio Caesaris» (впервые вышла в журнале «*Nemesis*» в 1923 г.) также пишет об обвинении Антония *de repetundis* (мы сошлемся на более позднюю перепечатку этой статьи: Gelzer 1963, 213). Однако впоследствии М. Гельцер отказался от такой интерпретации; в более поздней своей работе (Gelzer 1969, 123) он оставляет данный вопрос открытым и пишет о двух возможных основаниях для обвинения: *de vi* (в пользу чего, по его мнению, свидетельствуют Дион Кассий и Цицерон в речи *Pro Caelio*, 74) и *de maiestate* (в пользу этого варианта может говорить отрывок из речи Целия, приводимый Квинтилианом). Из отечественных исследователей версию об обвинении Гая Антония *de repetundis* (правда, не приводя никаких аргументов) поддерживает С. Л. Утченко: Утченко 1976, 106.

²⁹ См. по этому поводу: Alexander 1990, 119 n.3; Broughton 1952, 189.

³⁰ Gruen 1973, 308 n.40.

свою претуру Веттий как раз и отправлял в 59 г. Что касается случаев, когда в одной и той же судебной комиссии в течение года были разные председатели, то они действительно зафиксированы, но только относительно *quaestio perpetua de vi*³¹.

Некоторые авторы возражают против обвинения *de repetundis* также по другой причине. Известно, что непосредственно председательствовал на процессе Гая Антония не претор, а *quaesitor* (Cic. Vat. 28); между тем, более ни одного случая, когда бы в *quaestio repetundarum* председательствовал *quaesitor*, не зафиксировано³². У нас действительно нет достоверных данных о председательстве *quaesitor*'а в *quaestio repetundarum*, но все же данный аргумент представляется слишком слабым, чтобы исключительно на его основе делать какие-то выводы. Его убедительно критикует в том числе и Э. Груэн, который сам выступает за версию обвинения *de repetundis*³³, и в данном вопросе мы склонны с ним согласиться.

Остается проанализировать еще один, последний аргумент сторонников версии обвинения *de repetundis*. Это свидетельство одного из источников, схолиаста из Боббио, который, комментируя речь Цицерона *Pro Flacco*, пишет: *Gaius scilicet Antonius, collega Ciceronis, M. Caelio Rufo accusante non tantum pecuniarum repetundarum crimine, verum etiam ob hanc coniurationem non ita pridem damnatus fuerat* («Как известно, Гай Антоний, коллега Цицерона, при обвинителе Марке Целии Руфе, не так давно был осужден не только из-за вымогательств денег, но и из-за участия в этом заговоре [т.е. заговоре Катилины]») (Schol. Bob. 94 Stangl).

Однако мы позволим себе поставить данное сообщение под сомнение. Вполне возможно, что неизвестный поздний автор схолии имел недостаточно полное представление о подробностях дела. Так, например, в этом фрагменте из обвинителей он называет только Марка Целия Руфа, а в другом месте (Schol. Bob. 149 Stangl) добавляет к нему также Квинта Фабия Максима. Во всяком случае, это сообщение не настолько надежно, чтобы принимать версию об обвинении *de repetundis*, опираясь исключительно на него.

Рядом исследователей принимается поэтому второй вариант — обвинение Гая Антония в участии в заговоре Катилины на основании *lex Plautia de vi*³⁴. Именно этот закон, как отмечает М. Александер, как правило, применялся против бывших катилинариев³⁵.

Данная версия, однако, при ближайшем рассмотрении также оказывается не очень убедительной. Гай Антоний, несмотря ни на что, был провозглашен сенатом победителем Катилины. Для того чтобы предъявить ему открытое обвинение в участии в заговоре, требовались веские основания, и это означало пересмотр официальной позиции сената. Нам кажется маловероятным, чтобы обвинители Антония и те, кто стоял за ними, решились пойти на такой шаг. Также в этом случае непонятна реакция на осуждение Гая Антония оставшихся в живых катилинариев: в знак своего торжества они устроили пиршество на могиле Катилины, украсив ее цветами (Cic. Flac. 95). Получается, что они таким образом отпразд-

³¹ Возможное объяснение этого факта см. в работе: Greenidge 2004, 430–431.

³² Klebs, 1894, 2581. К нему присоединяется П. Грёбе: Drumann-Groebe 1919, 602 Ann.9.

³³ Gruen 1973, 308 n.38.

³⁴ Heinze 1925, 211. Э. Клебс также не исключает такой возможности, хотя и считает более вероятным обвинение *de maiestate* (Klebs 1894, 2581).

³⁵ Alexander 1990, 119 n.3.

новали осуждение одного из своих бывших товарищей. Можно, конечно, предположить, что сторонники Катилины считали Антония предателем, но, как мы уже отмечали, он лично почти не участвовал в разгроме заговора и предоставлял действовать другим. Кроме того, и Цицерон, который позднее в своих речах не раз возвращался к данному процессу над Гаем Антонием, все время подчеркивал заслуги последнего в подавлении заговора (Cic. Flac. 5; Cael. 74). Кажется, ему затруднительно было бы это делать, если Антоний был официально осужден как заговорщик.

Таким образом, отвергнув оба предыдущих варианта, мы пришли к выводу, что Гай Антоний был обвинен в оскорблении величия римского народа — *de maiestate*³⁶. Известные нам обстоятельства дела дают все основания для предъявления подобного обвинения. Все знали о военных поражениях Антония и потере им знамен; причиной этого позора стали очевидная некомпетентность, трусость и пьянство полководца (Dio XXXVIII. 10. 1–3; Quintil. Inst. or. IV. 2. 123–124). Более того, Дион Кассий сообщает, что поражение от бастарнов Гай Антоний потерпел, когда попытался разорить владения союзных Риму племен в Мезии (Dio XXXVIII. 10. 3). Любого из этих преступлений было вполне достаточно для предъявления обвинения в оскорблении величия римского народа (Dig. 48. 4. 4).

Э. Груэн выдвигает следующий контраргумент: обвинение *de maiestate* использовалось редко, было двусмысленным и трудно доказуемым³⁷. Отчасти мы можем с ним согласиться. Тем не менее, то, что обвинения *de maiestate* были сравнительно редки, не означает, будто их не было вообще. Доказательств вины Антония в данном конкретном случае было более чем достаточно. Как знать: возможно, обвинители рассчитывали, что красочные картины пьяных оргий Гая Антония перед лицом неприятеля больше повлияют на судей, чем рассказы о грабежах провинциалов, в которых в той или иной степени были замешаны очень многие римские наместники.

Однако — и здесь мы присоединимся к Э. Груэну — вопрос о том, на основании какого закона был привлечен к суду Гай Антоний, все-таки не имел первостепенного значения³⁸. Виновность Антония в инкриминируемых ему преступлениях была несомненна; в ней не сомневался даже его защитник. Исходя из этого, кажется, что Цицерон, защищая его, должен был всячески стараться затемнить существо дела и постоянно ссылаться на прошлые заслуги подсудимого перед государством — в первую очередь, конечно же, на его участие в подавлении заговора Катилины. Кроме того, Цицерон не обошел вниманием и политическую подоплеку процесса. Он осмелился затронуть самих триумвиров, в частности, Цезаря, по всей видимости, обвинив именно их в организации суда над Антонием. Как пишет Светоний, Цицерон в своей речи «... оплакивал положение государства» (Suet. Div. Iul. 20. 4). Дион Кассий, как всегда, враждебный к Цицерону, пишет,

³⁶ Этого мнения придерживается такой исследователь как Д. Шэклтон Бэйли (Shackleton Bailey 1965, 354). М. Александер (Alexander 1990, 119 n.2) и Э. Клебс (Klebs 1894, 2581–2582) колеблются между версиями об обвинении *de vi* и *de maiestate*, но отдают предпочтение последней. Р. Остин (Austin 1960, 158–159) полагает, что Гай Антоний был обвинен *de maiestate*, а совершенные им вымогательства были одним из подпунктов обвинения.

³⁷ Gruen 1973, 308.

³⁸ Gruen 1974, 288.

что тот «...позволил себе жестокие нападки на Цезаря, которого он считал виновником этого процесса, и даже зашел так далеко, что оскорбил его» (Dio XXXVIII. 4. 11). Греческий историк, очевидно, преувеличивает дерзость речи Цицерона, но какие-то неосторожные слова все-таки были сказаны. Ответ Цезаря не заставил себя ждать: через три часа после выступления Цицерона его враг Публий Клодий был усыновлен и перешел из патрициев в плебеи, что дало ему возможность добиваться должности народного трибуна (Cic. Dom. 41; Suet. Div. Iul. 20, 4; Dio XXXVIII. 4. 11).

Предполагаемый способ защиты должен был повлиять на тактику обвинителей. Поэтому мы смеем предположить, что Целий Руф и его субскрипторы сознательно сделали акцент не на преступлениях Антония в Македонии³⁹, а на событиях заговора Катилины, формально не имевших отношения к заявленному обвинению. В интересах обвинителей было попытаться принизить заслуги Антония. С этой целью они и воспользовались слухами о его причастности к заговору, что позволило им очернить Антония в глазах судей. Это, по-видимому, было нетрудно сделать: слишком многое (связи, существовавшие в прошлом между Антонием и Катилиной, его внезапная болезнь накануне битвы под Писторией) подпитывало подозрения. Таким образом, аргументы, на которых Цицерон строил свою защиту, были нейтрализованы. Гай Антоний был осужден. Это позволило Диону Кассию заявить, что «ему [т.е. Антонию — В.Х.] было суждено быть найденным невиновным в преступлении, за которое его судили, но быть наказанным за то, в чем он не обвинялся» (Dio XXXVIII. 10. 3).

Цицерон сообщает о том, что ходили разговоры, будто обвинительный приговор Гаю Антонию был вынесен за деньги (Cic. Phil. II. 56). Вполне возможно, что такие слухи действительно имели место; не исключено, что их распускали сторонники Антония, которые старались выставить его невинно пострадавшей стороной. Но мы полагаем, что в данном случае подкуп маловероятен, так как у суда было более чем достаточно оснований для вынесения обвинительного вердикта.

После осуждения Гай Антоний отправился в изгнание на о. Кефалления (Strabo X. 2. 13). Впоследствии он был помилован⁴⁰ и получил позволение вернуться в Рим. В 42 г. Гай Антоний вместе с Публием Сульпицием был даже избран цензором (CIL. I. 466; XIV. 2611). После этого упоминания о нем исчезают из источников; по всей видимости, вскоре после 42 г. он и умер.

Цицерон не стал опубликовывать свою речь, произнесенную на суде в защиту Антония. В данном случае он мог руководствоваться несколькими мотивами. Во-первых, отметим, что знаменитый оратор не любил публиковать речи с тех процессов, которые он проигрывал, если у него не было на то веских оснований. Во-вторых, на такое решение могла повлиять политическая подоплека суда над Гаем Антонием и, в частности, вовлеченность в это дело триумвиров, лишняя раз задевать которых в тот период было очень опасно, в чем оратор уже имел возможность убедиться на собственном опыте⁴¹.

Подведем итоги. В данной статье мы постарались доказать, что проконсул Македонии Гай Антоний был осужден именно на основании *lex Cornelia de ma-*

³⁹ Хотя и о них Целий поведал весьма убедительно и красноречиво — см. Quintil. IV. 2. 123–124.

⁴⁰ Очевидно, Цезарем. См. Klebs 1894, 2582.

⁴¹ Такое предположение высказывает Дж. Кроуфорд: Crawford 1984, 126–127.

iestate. Однако ключевую роль в исходе процесса сыграли не преступления, действительно совершенные Антонием в Македонии, а слухи и подозрения в тайном участии подсудимого в заговоре Катилины. Одновременно данный судебный процесс имел важное политическое значение. Не подлежит сомнению, что главными его организаторами и вдохновителями выступили триумвиры или, по крайней мере, двое из них — Гней Помпей и Гай Юлий Цезарь. Э. Груэн вообще считает дело Гая Антония первым примером «сотрудничества» (collaboration) триумвиров в уголовном суде⁴². Выступив в защиту Гая Антония, Цицерон выступил против них — и проиграл. Это имело важные негативные последствия для великого оратора и стало одной из причин его изгнания в следующем, 58 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Бугаева Н. В.* 2010: *Expositio consiliorum suorum*: таинственный труд Цицерона // ANTIQVITAS IVVENTAE. Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов, 81–91.
- Моммзен Т.* 1995: *История Рима*. Т. 3. СПб.
- Утченко С. Л.* 1976: *Юлий Цезарь*. М.
- Alexander M. C.* 1990: *Trials in the late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* Phoenix. Suppl. 26. Toronto.
- Austin R. G.* (transl. and comm.) 1960: *Cicero. Pro M. Caelio oratio*. Oxford.
- Badian E.* 1959: *Caesar's cursus and the intervals between offices* // JRS. 49, 81–89.
- Broughton T. R. S.* 1952: *The magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. New York.
- Broughton T. R. S.* 1986: *The magistrates of the Roman Republic*. Vol. III. Atlanta.
- Brunt P. A.* 1957: *Three passages from Asconius* // *Classical Review*. 7, 193–195.
- Buckland W. W.* 1937: *Civil proceedings against ex-magistrates* // JRS. 27, 37–47.
- Crawford J. W.* 1984: *M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations*. Hypomnemata: Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben. Heft 80. Göttingen.
- Damon C., Mackay C. S.* 1995: *On the prosecution of C. Antonius in 76 B.C.* // *Historia*. 44, 37–55.
- Drumann W.-Groebe P.* 1919: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung*. Bd. V. Leipzig.
- Gelzer M.* 1963: *Die lex Vatinia de imperio Caesaris* / M. Gelzer (ed.). Bd. II. Wiesbaden, 206–228.
- Gelzer M.* 1969: *Cicero. Ein biographischer Versuch*. Wiesbaden.
- Greenidge A. H. J.* 2004: *The legal procedure of Cicero's time*. Oxford.
- Gruen E. S.* 1973: *The trial of C. Antonius* // *Latomus*. 32, 301–310.
- Gruen E. S.* 1974: *The last generation of the Roman republic*. Berkeley.
- Heinze R.* 1925: *Ciceros Rede pro Caelio* // *Hermes*. 60, 193–258.
- Klebs E.* 1894: *Antonius* // *RE*. I, 2582.
- Lange L.* 1871: *Römische Alterthümer*. Bd. III. Berlin.
- Lewis R. G.* (transl. and comm.) 2006: *Asconius Pedianus. Commentaries on speeches of Cicero*. Oxford.
- Münzer F.* 1899: *Caninius* // *RE*. III, 1477.
- Münzer F.* 1909: *Fabius* // *RE*. VI, 1791–1792.
- Shackleton Bailey D. R.* (transl. and comm.) 1965: *Cicero's letters to Atticus*. Vol. I. Cambridge.

⁴² Gruen 1974, 288.

GAIUS ANTONIUS HYBRIDA, MACEDONIAN PROCONSUL,
ON TRIAL IN 59 BC*V.K. Khrustalev*

This is an attempt to consider some controversial aspects concerning the trial of proconsul of Macedonia Gaius Antonius Hybrida in 59 BC and to determine the role of the trial within the framework of political struggle in the Roman Republic of the period. The author makes a conclusion that Gaius Antonius was most likely sentenced by virtue of *lex Cornelia de maiestate*, but not by virtue of *de repetundis* or *de vi* as many scholars suppose. The author also notes that it was a political trial arranged by triumvirs.

Key words: Late Roman Republic, *quaestiones perpetuae*, *crimen maiestatis*, *triumvirate*.

© 2012

Ю. А. Федина

ГАЛАТИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РИМА В I в. до н.э.

В статье рассматриваются взаимоотношения лидеров Поздней римской республики с зависимым от Рима государством Галатией в I в. до н. э. Малая Азия представляла для римлян значительный интерес, поскольку создавала серьезные сложности в организации управления, и это придавало особое значение патроно-клиентским отношениям в контроле за регионом. Римляне были заинтересованы в установлении влияния в малоазийских государствах, особенно в тех, которые играли роль буферных царств, защищающих римские владения от вторжения извне и, таким государством, несомненно, являлась Галатия.

Ключевые слова: Древний Рим, Галатия, клиентела.

Взаимоотношения лидеров Поздней Римской республики с государствами Малой Азии в I в. до н. э., включая Галатию, являются одним из малоизученных аспектов дипломатической истории Древнего Рима. Римляне были заинтересованы в установлении своего влияния в тех странах, которые играли роль буферных царств, защищая римские владения от вторжения извне, обеспечивали беспрепятственное перемещение римских легионов, предоставляли союзный контингент, а также исправно вносили подати в римскую казну. Таким буферным государством, несомненно, являлась Галатия.

Первоначально Рим неохотно вмешивался в дела малоазийских государств, но со временем ситуация изменилась, и Малая Азия стала рассматриваться как стратегически важный район. Согласно сообщениям Полибия, в сферу римских интересов Галатия попала во II в. до н.э. Так, в 189 г. до н. э. римляне во главе с Манлием Вольсом помогли пергамскому царю побороть галатов, вторгшихся на территорию царства, а в 167 г. до н. э. галаты направили посольство к римскому сенату, который предоставил им автономию, при условии, что они останутся

Федина Юлия Александровна — ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: lalunya2009@inbox.ru